

М ДИ САЛЬВО

**ЮНЫЙ РОССИЯНИН ЗА ГРАНИЦЕЙ:
ДНЕВНИК И. НАРЫШКИНА**

В 1708 г Иван Львович Нарышкин (1700—1734) вместе со своим старшим братом Александром (1694—1745) и другими молодыми дворянами отправился в Англию и Голландию для изучения мореходного дела и получения разностороннего образования, за их успехами царь Петр I, их кузен, лично следил издалека¹

Тщательно подготовленный отъезд двух мальчиков пришелся на время, когда после ареста в Лондоне посла А Матвеева (21 июня 1708 года)² отношения между Москвой и Лондоном ухудшились. Путешествие русских дворян, без сомнения, стало пешкой в труднейшем дипломатическом поединке между английским посланником Ч Уиттвортом и лицами, которые вели переговоры с русской стороны. Наконец 27 октября (7 ноября) Уиттворт доложил министру иностранных дел Бойлю, что Нарышкины отплыли из Архангельска «на военном судне „Тильбюри“, надеюсь, что они благополучно прибудут в Англию еще до получения Вами настоящего письма моего. Граф Головкин отправил было архангельскому губернатору приказание поместить молодых людей на голландский корабль и не допускать их отправления в Англию, но, к счастью, распоряжение это пришло слишком поздно»³. 28 января 1709 г Бойль доносил, что оба молодых москвитя,

¹ Об оценке конечных целей, которые преследовал Петр, и результатов, достигнутых отправкой русских студентов за границу, см *Okenfuss M. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed J G Garrard. Oxford, 1973. P 130—145*.

² См *Rothstein A. Peter the Great and Marlborough Politics and Diplomacy in Converging Wars. London, 1896. P 90—92*, *Соколов А. Навстречу друг другу Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль, 1992. С 168—171*.

³ Сб РИО СПб, 1886. Т 50. С 100.

горячо рекомендованные Уиттвортом, были приняты королевой, которая заверила их в своем почтении и дружественном отношении к царю. Несмотря на проявления почтительного к ним отношения, Нарышкины вскоре выразили желание покинуть Англию, «вероятно, последовал какой-нибудь приказ, вызванный прежним решением не допускать их приезда в Великобританию — все из-за того же оскорбления, нанесенного Матвееву».⁴ В мае, в самый разгар Северной войны, Апраксин, несомненно по приказу царя, отозвал братьев и прочих русских, находящихся на кораблях британского флота, и поручил «их попечению Львова, русского, проживающего в Амстердаме и заведывающего всеми царскими подданными, отправленными за границу».⁵ Уиттворт довольно едко замечает: «Очень сожалею о них: рождение, богатство, личные качества их требовали бы лучшего воспитания, чем то, которое можно получить в Амстердаме. Не сомневаюсь, что высшие милости, оказанные молодым людям королевою, оставят в нежных душах их чувство благодарности, тем более что положение их, по-видимому, изменится к худшему».⁶

В ноябре 1714 г. Нарышкины отправились из Амстердама в долгое путешествие по Испании, Франции и Италии; в конце 1717 г. они вернулись в Амстердам, откуда вновь уехали в Париж. В 1719 г. им было дозволено вернуться домой, и в начале 1721 г. они прибыли в Россию. Из протоколов заседания Адмиралтейской коллегии, где они экзаменовались и получили чин поручиков, мы узнаем, что «путь свой имели лутчими италианскими городами, арсеналами, где воинским делам обучатися возможно; также во Франции пребывали; в Бресте 18 месяцев, где главный морской магазейн и флоты состоят всегда».⁷

По возвращении домой Александр Львович выбрал карьеру чиновника высокого ранга, ради чего он и учился, и занимался реорганизацией Санкт-Петербургской морской академии. Его участие в «деле Девиера», которое в 1727 г. погубило, в частности, П. А. Толстого, повлекло за собой опалу Александра Львовича и высылку в имения. С восшествием на престол Елизаветы он

⁴ Письмо от 11 (22) марта 1709 г. // Там же. С. 156.

⁵ Письмо Уиттворта к Бойлю, 11 (22) мая // Там же. С. 176. Князь Львов, которому была поручена забота о всех русских студентах, находившихся в Голландии, часто упоминается в дневнике Ивана как «учитель» или «Иван Борисович».

⁶ Там же. С. 178.

⁷ РГАДА, ф. 1272, оп. 1, № 4, л. 8. Цит. по: *Ошанина Е. Н.* Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // Сов. архивы. 1975. № 1. С. 106.

вернул себе былое влияние, став членом комиссии по расследованию дела Остермана, сенатором и тайным советником

Иван умер в возрасте 34 лет и в истории остался только как отец Екатерины Ивановны, на которой впоследствии женился Кирилл Разумовский

О существовании путевых записок И Нарышкина известно более столетия, с тех пор как П П Пекарский установил их авторство и напечатал несколько кратких выдержек из них⁸ Два отрывка, в которых описано пребывание во Флоренции и Лионе, опубликовала Е Н Ошанина, автор единственной небольшой статьи,⁹ посвященной этому вопросу, она также обнаружила в русских архивах документы, относящиеся к путешествию молодого Нарышкина Но все же, несмотря на то что ученые часто упоминают о нем, этот «диурнал» никогда не издавался и в отличие от многих русских сообщений того времени о Западной Европе все еще ждет тщательного исследования Причиной отсутствия внимания к дневнику могут быть его чрезмерный объем и обилие деталей, которые нуждаются в тщательном изучении и комментировании, более того, в отличие от записок Б П Шереметева и П А Толстого у этого дневника нет претензий на литературность, автор его не перерабатывал, и поэтому он монотонен и изобилует повторениями Однако невнимание к форме характерно для многих путевых записок того времени, начиная с записок, традиционно приписываемых «неизвестной особе», в которой в настоящее время многие ученые угадывают А М Апраксина,¹⁰ к достоинствам дневника Нарышкина можно отнести также то, что ни один из прочих дневников не охватывает столь длительного временного периода (1714–1717) и не содержит описания такого множества стран Нидерланды, Франция, Испания и Италия

До настоящего момента все отсылки к дневнику относились к трем небольшим записным книжкам, исписанным, по словам Ошаниной, «мелкой малоразборчивой скорописью начала XVIII ве-

⁸ Пекарский П Наука и литература в России при Петре Великом СПб, 1862 Т 1 С 152–154 Некоторые из этих отрывков привел А Н Пыпин — см Пытин А Н История русской литературы СПб, 1911 Т 3 С 262–263

⁹ Ошанина Е Н Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века См также Травников С Н Путевые заметки петровского времени (проблема историзма) Учебное пособие М, 1987 С 24–25

¹⁰ См, например Otten F Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697–1699 Berlin, Wiesbaden, 1985

ка». Сейчас эти записные книжки хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве,¹¹ и записи в них охватывают следующие периоды:

1) Рум., 517/2: эта книжка содержит записи за период с 16 ноября 1714 г. по 3 апреля 1715 г. Она начата в Амстердаме, описывает путь Нарышкиных через Гибралтар, Тулон, Геную и Флоренцию и завершается прибытием в Рим. В ней имеется вступление ко всему дневнику, а на обложке значится: «*Livre de la premiere partie du voyage 1714/1715*».

2) Рум. 517/3: 29 октября 1716 г.— 10 января 1717 г. Начата в Турине, описывает путешествие через Лион, Тур и Нант и заканчивается в Бресте.

3) Рум. 517/1: 22 сентября— 22 октября 1717 г. Начинается с еще одного описания Амстердама, затем следуют Брюссель и Кале по пути в Париж.

Три года назад Б. А. Градова из рукописного отдела Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург) любезно обратила мое внимание на записную книжку, переплетенную в пергамент,¹² в которой содержатся записи, сделанные во время путешествия по Италии; в основном они касаются Венеции и Милана и были сделаны в период с 14 августа (в Венеции) по 28 октября 1716 г. (в Турине). Почерк тот же, что и в тех трех записных книжках, принадлежность которых перу Нарышкина уже доказана, и даты точно соответствуют тому периоду путешествия, который не описан в до сих пор известных частях дневника. Таким образом, это описание поездки Ивана в северную Италию дополняет наши сведения о его путешествии. На обложке хранящейся в Санкт-Петербурге книжки (самой объемистой из имеющихся: в ней 154 страницы) значится: «Пятый том году 1716», и это дает повод полагать, что между своим приездом в Рим и отъездом из Венеции¹³ Нарышкин заполнил еще три записные книжки, местонахождение которых, если они и сохранились, нам неизвестно.

Дневник описывает путешествие по Европе, которое последовало вслед за окончанием обучения в Голландии; часто упоминается «учитель» (И. Б. Львов), а также другие случайные спутники в долгом путешествии. В 1708 г. братья Нарышкины были не одни: они уехали из России вместе с молодыми М. М. Голицыным, С. А. Шеиным и И. А. Урусовым; в Венеции их часто навещал

¹¹ РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 517, кн. 1, 2, 3 (далее — Рум.)

¹² РНБ, ф. 1000, оп. 3, № 339.

¹³ Как установила Е. Н. Ошанина, юные путешественники доехали до Неаполя, откуда они написали своему кузену — царю (РГАДА, ф. 9, отд. 2)

«консул» (им в это время был грек Деметрио Боцис).¹⁴ Там они также сталкивались с купцами, которые вели с Россией торговые дела (в том числе с Джованни Скьяво), и, судя по указаниям дневника, были близки с членами семьи Готтони — возможно, греками Коттони, которые незадолго до этого получили дворянство Венецианской республики. Наиболее близок со знатными путешественниками был Савва Владиславич-Рагузинский, который находился в Венеции по делам и по поручению царя приобретал для него произведения искусства.¹⁵ Во время своих странствий братья Нарышкины поддерживали с ним переписку, и во время их пребывания в Италии Рагузинский был для них чем-то вроде советника по любым вопросам.

Везде, куда бы ни приезжали русские ученики, они знакомились с местными памятниками и достопримечательностями, и всякий раз их представляли местной аристократии, городским саноуникам, кардиналам и прочим представителям духовенства. В Турине юношей, как родственников русского царя, принимали при дворе чуть ли не каждый день; многие известные люди навещали их, приглашали в свои дворцы и всевозможными способами выказывали им расположение: в Вероне Сципион Маффеи подарил им экземпляр своей «трагедии», вероятно «Меропы», которая была одним из ярких литературных событий тех лет.

Наконец, заслуживает упоминания одно обстоятельство, касающееся записной книжки под шифром 517/1 (РГБ). 22 октября 1717 г. изложение обрывается, и через несколько страниц, на которых помещен список счетов и некое подобие оглавления книжки, отсчет вновь возобновляется с 1 июля 1717 года двумя страничками, заполненными краткими заметками, среди которых то и дело мелькает сокращение «Е[го] Ц[арское] В[еличество]». Начинается это приложение с прибытия в Спа, где, как известно, Петр на некоторое время останавливался по пути из Парижа. Следовательно, мы можем предположить, что эта остановка Нарышкиных, описанная столь кратко, была связана с их встречей со своим кузеном, царем, с которым («13ое июля пошел Е. Ц. В. из Шпа») они добрались до Амстердама 22 августа (через Аахен и Маастрихт) по пути в Гаагу. Запись от 1 октября «Е. Ц. В. пошел в путь из Вейзеля», возможно, имеет в виду отъезд Петра в Россию, куда он должен был прибыть в конце месяца. Скорее

¹⁴ Ульяницкий В. Я. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Ч. 1. С. 32.

¹⁵ Он прибыл в Венецию 1 августа 1716 года — см.: Андросов С. О. Рагузинский в Венеции: Приобретение статуй для Летнего сада // Скульптура в музее: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 61.

всего, именно желание записать наиболее важные моменты встречи с царем побудило молодого Нарышкина добавить эти две странички, которые, как мы видели, описывают события, произошедшие раньше тех, с описания которых начинается эта книжка. Возможно также, что во время этой встречи с кузеном было решено, что оба Нарышкина продолжают свое обучение в Бресте.

Как уже отмечалось, дневник Нарышкина не обладает большими литературными достоинствами; его ценность заключается в описаниях повседневной жизни, сделанных под влиянием непосредственных впечатлений юным и довольно наивным юношей 15–16 лет. Структура текста наводит даже на мысль, что ведение дневника было чем-то вроде задания, которое он должен был выполнять и, может быть, показывать учителю. Его язык изобилует иностранными словами, как это часто бывает в подобных текстах (например, ремаркабл, етранжеры, форастииеры, кортил, фациада), и очень близок (особенно в области синтаксиса) к разговорным формам. В значительной степени это обусловлено тем, что половину своей недолгой жизни Иван провел за границей: он уехал из России в возрасте восьми лет и с того времени жил в обществе, в котором был вынужден пользоваться иностранными языками, и у него оставалось мало времени для совершенствования своего стиля на так называемом «книжном языке».¹⁶

К сходным выводам можно прийти, если учесть культурную подготовку юных Нарышкиных: когда братья покидали Россию, они были в сущности детьми, хотя, по свидетельству Ч Уитворта, говорили по-латыни и отличались своим «умением держаться скромно, прекрасно не по летам и не по обычаю своей родины».¹⁷ Иван в отличие от многих своих современников, которые отправлялись в Западную Европу в более зрелом возрасте для выполнения дипломатических миссий или для обучения морскому делу, еще не овладел «своей», московской, культурой в полной мере и не мог интерпретировать в ее свете свои новые впечатления. И именно этим его дневник отличается от типичных образцов «статейного списка» (Шереметев, «анонимный» автор

¹⁶ В дневнике Нарышкина морфологические черты, свойственные «книжному языку» (аорист, имперфект, родительный падеж единственного числа прилагательных женского рода, оканчивающиеся на -ия), начисто отсутствуют Ср *Живов В М Литературный язык Петровской эпохи и возникновение литературного языка нового типа // Wiener Slavistischer Almanach 1990 Bd 25/26 S 451–469* Я сознательно не касаюсь вопросов, связанных с языком,— этому я намерена посвятить отдельную статью

¹⁷ Сб РИО Т 50 С 31

1698 г.), в которых задним числом описаны как события, имеющие государственный интерес, так и экзотические редкости. Но дневник Нарышкина отличается и от записок Петра Толстого, несмотря на то что они оба, казалось бы, описывают одно и то же; отличие состоит в описании Нарышкиным итальянских городов, в точности, с какой он наносит на карту расстояния, верстовые столбы, постоянные дворы, дома и сады. Читатель дневника Нарышкина не найдет в нем подборки сведений, полученных в результате сравнения культур: в сущности, он путешествовал для приобщения к культуре, и все новые впечатления были для него одинаково ценны. Это отсутствие четкой иерархии отражено в его отчете о происшедших за день событиях, каждое из которых подробно описано в дневнике, будь это визит ко двору или просто поиск места для ночлега. Как было отмечено выше, возможно, что такое обилие подробностей от него требовали в доказательство того, что он усердно выполнял задачи своего образовательного путешествия. Таким образом, обычно его записи разделены на «утром» и «после обеда», могут быть даже заполнены беглыми замечаниями о том, что в каком-то месте «ремаркабл ничего нѣтъ», или что «сим утром мы никуды не выезжали» и даже «время сѣм утром с дощом». В целом может показаться, что дневник излишне изобилует повторами, однако в этом и заключается его уникальность, ведь ни один другой дневник не предоставляет такого количества сведений о повседневной жизни русского путешественника в Западной Европе.

Несмотря на то что дневник предлагает нам не вполне типичную московскую точку зрения, тем не менее он является замечательно документированным свидетельством образовательного процесса, тщательно продуманного как завершение изучения навигацкого дела, чему русские юноши посвятили первую половину своего пребывания за границей. Хотя ученики не были идеальной *tabula rasa*, их юный возраст предполагал, что впечатления от множества мест, которые они посетили, и продолжительность их пребывания в разных странах за столько лет путешествий окажут влияние на формирование их личностей. Все это предприятие, за которым внимательно следил царь,¹⁸ проводилось с исключительной последовательностью благодаря уважению к высокому положению главных действующих лиц, которые, в свою

¹⁸ Некоторые письма Александра Нарышкина к царю сохранились; см. также ответы императора с советами и предостережениями своим кузенам и князю Львову (ср., например: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8, вып. 2. С. 708–709; 1956. Т. 10. С. 695; 1975. Т. 12, вып. 1. С. 378–380).

очередь, смиренно подвергли себя изнуряющим путешествиям и бесконечному осмотру достопримечательностей.

Они, как и многие путешественники того времени, посещали фортификационные укрепления, дворцы, церкви, больницы и естественнонаучные музеи, не забывая осматривать так называемые «ситуации» различных городов. Как и многие его соотечественники, Иван не обладал достаточными лингвистическими средствами для выражения своей эстетической оценки, если не считать «изрядно», «изрядно хорошо» или, самое большее, «свѣтло», причем последнее было для него, очевидно, основным критерием оценки для зданий всех типов, включая и церкви.

Как бы то ни было, то, что он использует столь общие термины, вовсе не является свидетельством недостатка интереса: скорее, в соответствии с утилитарным характером эпохи Петра I он сосредоточивает свое внимание не столько на чисто эстетических ценностях, сколько на конкретных, конструктивных аспектах. Как и Толстой, он систематически подсчитывает число колонн и алтарей, перечисляя строительные материалы и технику исполнения («из розных камней, из белого мрамору»). В попытке дать полное представление о том, как они «устроены», перечислены церкви, статуи, которые их украшают, и их размеры.

В некоторых местах он ссылается на общие понятия, по-видимому усвоенные им во время его предыдущих занятий или почерпнутые из попавшихся под руку путеводителей: одни церкви выглядят «по-готски»; другие, отличительным признаком которых служат фасады, богато украшенные статуями, — «по-полски». Он часто делает сравнения с ранее виденными достопримечательностями, например: Лион «поменьши города Verona»;¹⁹ в том же городе он пишет, что кафедральная церковь «здѣлана на ту стать как миланской Duomo, но гораздо меньши и не так хороша, для того што уже во Франции церкви не так хороши как в Италии».²⁰ Так с течением месяцев у него накапливается опыт, и в итоге вырабатывается индивидуальный вкус в оценке увиденного.

Тем не менее он проявляет далеко не все свои чувства и в подавляющем большинстве случаев пишет во множественном числе, словно записывает впечатления всех членов их группы.²¹ Од-

¹⁹ 17 ноября 1716 г. (Рум., 517/3, с. 40).

²⁰ Там же.

²¹ Нигде не упоминается их точное число. В Турине вся компания занимала четыре комнаты. Кроме Ивана и его брата в эту группу входили А. И. Леонтьев, И. А. Урусов, их учитель князь Львов и два солдата, которых звали Ухватов и Козлов. Слуг нанимали на время долгих остановок, и их число варьировалось в разные моменты путешествия.

нако в том, что он записывает о праздновании своего дня рождения 1 января 1715 г. на борту судна «Elisabeth» во время путешествия в Марсель, легко увидеть какое-то детское удовлетворение: «Поутру подарил мнѣ братец 6 червонных а Александр Иванович <князь Леонтьев> одну монету медную старинную да одну малинкую головку каменную»,²² те же самые чувства проявляются в записи, сделанной по прибытии в Орлеан 17 декабря 1716 г.: «В пятницу поутру здѣлали мнѣ красной сюртук и купили мнѣ один парик». ²³ Иногда он с детским изумлением пишет о какой-нибудь любопытной вещи, привлечшей его внимание, например о подъемнике для подачи закусок, принадлежащем маркизу Кревенна: «Дом, в котором в одной камере стол, на котором здѣланы 3 дыры, в которые снизу подымается и спускается кушенье некоторыми махинами, которыми дѣйствуют 3 человека и можно за сим столом есть без лакеев, штучка хорошая». ²⁴ В других местах текста можно догадаться об интересе автора лишь по необычайной длине описания. К примеру, переход через Альпы заслуживает длинного описания, ведь в то время это было полное страха приключение не только для русских, но и для всех тогдашних путешественников. Нижеследующий отрывок извлечен как раз из этой части записок, он хорошо иллюстрирует возбужденное состояние Нарышкина и его язык: «От самой от деревни Novalezza поехали мы всю на гору, но прежде не круто, однакож всю по камням, и приходя к горе премой, которая круче, увидишь <так!> многие и превеликие каскады, которые с горы бьют <так!> с камня на камень, и шум их ужесен. Потом почели мы всходить на гору премую, которая дорога камениста; по одной стороне преципис (*итал.* precipizio — ущелье — *М. Ди С.*), а по другой стороне крутая гора, на которой висят камни, и кажется, будто упасть на тебя хотят, а по сторонам бьют превеликие каскады с великим шумом и ужесом, потом пошли мы на гору ж без преципис и почели находить снег малый и што болши и шли, болши находили снегу, и пришли в деревеньку Ferriere в 10 часов и три четвърьти, гдѣ уже снег почитай по колено был. . .» ²⁵

Остается лишь сожалеть, что утрачена та часть дневника, в которой описано прибытие в Венецию: таким образом, мы не можем проверить, поражало ли еще особенное устройство города русских путешественников так, как это описано в «статейных списках» предыдущего столетия или даже в дневнике П. Толстого;

²² Рум., 517/2, с. 23.

²³ Рум., 517/3, с. 64.

²⁴ Милан, 21 сентября 1716 г. (РНБ, ф. 1000, оп. 3, № 339, с. 81).

²⁵ 6 ноября 1716 г. (Рум., 517/3, с. 14–15).

возможно, что после длительного пребывания в Голландии Нарышкину было не в новинку прогуливаться по городу, где «по всем улицам и по переулкам по всем везде вода морская».²⁶ Со всех точек зрения было бы любопытно прочитать описание поездки в Рим и приема, оказанного кузенам царя папской дипломатией, ведь хорошо известна заинтересованность католической церкви в развитии и улучшении отношений с Петром Великим и вообще с Россией.

Духовенство постоянно упоминается на страницах дневника, посвященных как Милану, так и Турину, где путешественники проводили время в обществе одного иезуита, возвращавшегося из Китая; известно, какие усилия прилагала католическая церковь, чтобы получить для своих миссионеров возможность добираться до Китая через Россию. Что же касается юного Нарышкина, то он должным образом фиксирует в дневнике все религиозные празднества, хотя его знакомство с вероучением представляется довольно поверхностным: так, он называет святого Варнаву «один из семидесять апостоловъ» (Милан, 20 сентября 1716 г.). Даже вид святых реликвий, который глубоко волновал всех благочестивых путешественников из Московии, не внес никакой сумятицы в его чувства: после того как ему показали раку Карло Борромео, он с обычной аккуратностью описывает два гроба, в которых покоится святой, завершая описание педантичным замечанием: «Тело сего свѣтаго не всьо цѣло, однако есть на лице мясо» (Милан, 19 сентября).

Но все же свое самое важное образование молодые люди получили в сфере светской жизни: во всех странах, а в особенности в Италии, местная аристократия открывала перед ними дворцы, с тем чтобы показать свои сокровища, пригласить на балы и званые ужины. Нарышкины жили на широкую ногу, почти каждый вечер они бывали в театре, на запятках их экипажей стояли лакеи в ливреях. Рассказ об их светской жизни — одна из самых любопытных частей дневника. Вот, к примеру, описание одного из дней, проведенных в Турине (1 ноября 1716 г.): «После объѣда ездили мы отдать визит к послу гишпанскому, и посидя у него несколько поехали домой, и когда приехали, приехал к нам французский посол и посидя с полчаса поехал прочь. Время сим послеполуднем с дощом. Вечеру ездили мы ко двору и говорили с M[adame] R[oyale], потом, когда всѣ разехались, поехали мы домой».

²⁶ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992. С. 51.

В дневнике Нарышкина, как и в дневниках его предшественников, детальное, но чисто внешнее описание жестов, требуемых светскими условностями, часто пробуждает у читателя впечатление «остранения». Когда читаешь о том, как высокородные путешественники по прибытии в Милан «погода маленько поехали alla piazza del Duomo, гдѣ в сие время, сиречь в 24 часа сежаютца многие дамы и кавалеры. Постоя тут в карете с час и сделавши малой круг по городу, поехали мы домой»,²⁷ или о том, как в Вероне «поехали al Campo de Fior, гдѣ многие кавалеры и дамы зежаютца для Fresco»,²⁸ невольно возникает впечатление обнажения условности и искусственности светской жизни, столь часто изображавшейся в литературе XVIII века глазами «дикаря» или инопланетного существа. Визиты вежливости, беседа, танцы, которых Иван зачастую был лишь пассивным наблюдателем, являлись важной частью тех «европейских» обычаев, которые Петр Великий пытался привить на русской почве, например при помощи знаменитых ассамблей. Педагогические усилия Петра, окружавшего неусыпной заботой своих юных кузенов во все время их долгого пребывания за границей, преследовали те же цели, которые почти в то же время побудили его к изданию «Юности честного зерцала». К сожалению, мы мало знаем о жизни Ивана Нарышкина после его возвращения на родину, чтобы установить, оправдали ли результаты его обучения надежды Петра.

Перевод С. И. Николаева

²⁷ 6 сентября 1716 г. (РНБ, ф. 1000, оп. 3. № 339, с. 45).

²⁸ 26 августа 1716 г. (там же, с. 18).